

Опыт усыновителей в воспитании биологического ребёнка — ресурс или риск в процессе адаптации?

Ю. Ф. Лахвич, О. С. Головнёва

В статье представлены результаты эмпирического исследования социально-психологической адаптации детей и родителей-усыновителей с опытом воспитания биологического ребёнка. Выявлены специфические трудности в ходе адаптационного процесса, характеризующие семьи такого типа. Полученные данные имеют практическое значение для специалистов службы социально-психологического сопровождения семей усыновителей.

The article presents the results of an empirical study of the socio-psychological adjustment process of children and parents in adoptive families with the experience in upbringing of biological child. Specific difficulties characterizing families of this type are revealed in the course of the adjustment process. The obtained data have practical importance for specialists of the social and psychological support service of adoptive families.

Ключевые слова: усыновление, семья усыновителей, социально-психологическая адаптация детей и родителей.

Keywords: adoption, adoptive family, socio-psychological adjustment of children and parents.

Приём ребёнка-сироты в семью — сложный и многомерный процесс, включающий решение правовых, демографических, социально-бытовых, психологических, педагогических и иных задач. Фактом размещения ребёнка в семье этот процесс не завершается, а во многом — только начинается. Речь идёт, в частности, о социально-психологической адаптации усыновлённого ребёнка и родителей-усыновителей, которая заключается в формировании их эмоциональной привязанности друг к другу и далее, на основе этой привязанности, положительной идентификации тех и других в новой социальной роли.

Изучению адаптации в замещающих семьях (включающих усыновительские наряду с иными формами семейного устройства) посвящено немало научных работ: Л. Н. Большаковой [1], Ж. А. Захаровой [2], Е. А. Лупекиной [3], В. Н. Ослон [4], Н. А. Палиевой и Г. Н. Соломатиной [5], Н. Г. Рожковой [6], Е. В. Серовой [7], Т. К. Школьник [8], О. Г. Япаровой [9]. Однако основной массив исследований проводился в группе профессиональных замещающих (приёмных) родителей, а усыновителей в их выборках либо не было, либо они не выделялись в отдельную категорию при обработке данных.

В контексте рассматриваемой нами темы необходимо отметить, что среди имеющихся работ лишь в единичных уделено внимание параметру детности замещающих родителей (то есть наличию у них опыта воспитания собственных детей на момент усыновления ребёнка) как фактору, влияющему на характер адаптации в семье.

Так, В. Н. Ослон среди прочего затрагивает вопрос о том, каким образом изменяются детские подсистемы семьи в процессе адаптации, как выстраиваются границы и взаимоотношения между этими подсистемами. Однако остаётся неясным, есть ли отличия в адаптации родителей с

*Юлия Фёдоровна Лахвич,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии факультета
философии и социальных наук Белорусского
государственного университета*

*Ольга Сергеевна Головнёва,
старший преподаватель кафедры
психологии и педагогического мастерства
Республиканского института
высшей школы*

опытом воспитания биологических детей и тех, кто таким опытом не обладает [4, с. 136—151].

В своём диссертационном исследовании О. Г. Япарова, основываясь на эмпирических данных, утверждает, что наличие опыта воспитания биологических детей до их совершеннолетия — один из факторов, положительно влияющих на приёмное родительство [9, с. 17].

Таким образом, в настоящий момент в русскоязычной литературе нет данных о том, как опыт замещающих родителей в воспитании биологических детей влияет на адаптацию. Приходится констатировать практически полное отсутствие эмпирических исследований по проблеме усыновительства, отличающегося уникальным социально-психологическим статусом, а также работ, которые были бы посвящены специфике адаптации в семьях, имеющих или не имеющих биологического ребёнка.

Вместе с тем к усыновлению всё чаще приходят не только бездетные (бесплодные) пары, но и люди, у которых есть биологические дети, и те, кто уже воспитывает приёмных или усыновлённых детей. По данным нашего исследования, примерно

треть (31 %) белорусских семей, усыновивших ребёнка в период с 1996 года по 2013 год, на момент усыновления уже имели опыт воспитания ребёнка [10]. В связи с этим понимание специфики адаптационных процессов в семьях с различным статусом детности является актуальным для их социально-психологического сопровождения.

Учитывая большую степень разработанности этой темы в американской и европейской теории и практике семейного устройства детей-сирот, стоит обратиться к опыту зарубежных коллег. Однако в этих немногочисленных, но достаточно основательных работах также не даётся однозначного ответа на вопрос о влиянии опыта усыновителей в воспитании биологических детей на процесс адаптации.

Один из ведущих современных исследователей проблематики усыновления, автор модели психосоциальной адаптации к усыновлению, американский психолог D. M. Brodzinsky среди прочих факторов адаптации к усыновлению изучал и роль структуры семьи [11; 12]. Он заключает, что усыновители, обладающие опытом воспитания биологического ребёнка до усы-

В настоящий момент в русскоязычной литературе нет данных о том, как опыт замещающих родителей в воспитании биологических детей влияет на адаптацию. Приходится констатировать практически полное отсутствие эмпирических исследований по проблеме усыновительства, отличающегося уникальным социально-психологическим статусом, а также работ, которые были бы посвящены специфике адаптации в семьях, имеющих или не имеющих биологического ребёнка.

новления, чаще всего сталкиваются с чувством родительской вины и тревоги. Подобные негативные переживания связаны со следующими опасениями. Во-первых, родители боятся, что из-за присутствия в семье биологического ребёнка усыновлённый ребёнок может почувствовать ещё большее неприятие и потерянность, уже имея предшествующий опыт отвержения. Во-вторых, усыновители считают, что будут склонны к компенсаторному стилю поведения, отдавая предпочтение либо биологическому, либо усыновлённому ребёнку. Тем не менее собственно эмпирическое исследование фактора структуры семьи не позволило учёному говорить о его значимом влиянии на процесс адаптации [13].

Анализ зарубежной литературы по рассматриваемой теме свидетельствует о существовании разных и порой противоречивых точек зрения относительно того, является присутствие биологического ребёнка в семье усыновителей ресурсом или риском для адаптации к усыновлению. Так, классик в области психологии усыновления канадский исследователь Н. Д. Kirk полагал, что усыновители, воспитывающие биологического ребёнка, в определённой степени вынуждены быть более открытыми и честными в вопросах усыновления, что, в свою очередь, содействует более благоприятному протеканию адаптации детей и родителей в таких семьях [14]. М. Humphrey и А. М. McWhinnie считают, что наличие в семье усыновителей их биологического ребёнка осложняет данный процесс [15; 16]. Полученные в дальнейших эмпирических исследованиях результаты также

не дают возможности сделать однозначный вывод о влиянии опыта биологического родительства на адаптацию к усыновлению. В частности, некоторые исследователи пришли к выводу об отсутствии значимого влияния фактора наличия в семье усыновителей биологического ребёнка (независимо о того, появился он до или после усыновления)

на успешность адаптации [13; 17; 18]. Важно принимать в расчёт, что в исследованиях D. M. Brodzinsky речь шла только об усыновлении детей в возрасте до трёх лет. В других исследованиях указывается на наличие большего количества проблем в плане психологической адаптации усыновлённых детей в тех семьях, где есть также биологические дети [19; 20]. При этом J. Kraus утверждает, что только случай, когда биологический ребёнок появляется после усыновления, сопряжён с дополнительными психологическими проблемами адаптации усыновлённых детей. В частности, автор выявил, что у последних значительно чаще возникают трудности со сном, пищевые и поведенческие расстройства [20]. Эти данные, как видим, расходятся с результатами, полученными D. M. Brodzinsky, который уточняет: тип семейной организации может влиять на восприятие ребёнком опыта усыновления, что определяет и характер его адаптации. Присутствие в семье сиблингов — биологических детей родителей-усыновителей — нередко приводит к тому, что усыновлённый ребёнок начинает акцентировать внимание на уникальности своего семейного статуса. Этот аспект, с одной стороны, способствует повышению у него тревоги и интереса к вопросам усыновления, а с другой — к лучшему пониманию им своего опыта усыновления [17, с. 219]. D. M. Brodzinsky заключает, что наличие в семье усыновителей биологического ребёнка «хотя часто и осложняет семейную динамику, как правило, всё же не создаёт серьёзных препятствий для успешной адаптации к усыновлению» [13].

Ещё в большей степени осложняет суть рассматриваемой проблемы исследование М. Ternay, в котором были выявлены параметры, определяющие более успешную адаптацию усыновлённых детей в «смешанных» семьях усыновителей (где присутствуют и биологические, и усыновлённые дети) [21].

Следовательно, несмотря на наличие ряда зарубежных работ, посвящённых роли структуры семьи в процессе адаптации к усыновлению, необходимы дальнейшие исследования в данной области. Во-первых, очевидно, что нет однозначных и непротиворечивых сведений по проблеме; во-вторых, в имеющихся работах исследователи концентрируют внимание только на адаптации усыновлённых детей, тогда как вопросы адаптации родителей-усыновителей, а также иных членов семейной системы (других детей, например) зачастую обходят стороной.

Эмпирическое исследование адаптации детей и родителей в 264 белорусских усыновительских семьях, проживающих по всей территории страны, позволило не только выявить общие закономерности данного процесса, но и обнаружить зависимость его протекания от типа семьи на момент усыновления. Исследование проводилось в рамках выполнения задания по Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011—2015 годы [10]. Для диагностики адаптации в усыновительских семьях использовались специально разработанная анкета для усыновителей и комплекс психодиагностических методик для детей и родителей [22].

В качестве наиболее общих закономерностей протекания «пост-усыновительской» адаптации семьи следует отметить её двухуровневый характер, определяемый нами как первичная и вторичная социально-психологическая адаптация.

Под *первичной адаптацией* понимается период, длящийся два — три года с момента усыновления. Он обусловлен процессом взаимного приспособления, привыкания семьи и ребёнка друг к другу, формиро-

ванием привязанности, перестройкой моделей функционирования семьи в новых условиях. *Вторичная адаптация* длится до взросления ребёнка (а возможно, и дольше) и связана с процессами идентификации семьи, осознанием и принятием всеми её членами специфического, по сравнению с нормативными (обычными) семьями, статуса, интеграцией, «встраиванием» опыта усыновления в общую структуру личности родителей и детей, внутрисемейных и более широких социальных отношений.

Вместе с указанными общими закономерностями было выявлено, что фактор наличия или отсутствия опыта воспитания детей у кандидатов в усыновители всё же во многом определяет характер дальнейшей адаптации приёмного ребёнка в семье.

В нашем исследовании выделены следующие типы семей усыновителей, отличающиеся по параметру детности на момент усыновления: бездетные семьи без опыта воспитания детей (65 %); с опытом воспитания только биологических детей (15 %); с опытом воспитания только приёмных (усыновлённых, опекаемых) детей — замещающие семьи (11 %); с опытом воспитания и биологических, и приёмных детей (5 %); с опытом потери биологического ребёнка (4 %).

В результате анализа эмпирических данных существенные различия были выявлены между группами семей, бездетных на момент усыновления, и тех, у кого уже есть опыт воспитания детей. В общем виде можно констатировать, что бездетные семьи обладают рядом преимуществ в ходе первичной адаптации ребёнка и усыновителей друг к другу, особенно в сравнении с семьями, имеющими только биологических детей к моменту усыновления.

Остановимся подробнее на особенностях адаптации в семьях с опытом воспитания биологических детей на момент усыновления. В большинстве это семьи, в которых на момент усыновления уже были дети, и усыновлённый ребёнок стал их братом или сестрой, интегрировавшись в существующую детскую подсистему семьи.

В результате анализа эмпирических данных существенные различия были выявлены между группами семей, бездетных на момент усыновления, и тех, у кого уже есть опыт воспитания детей. В общем виде можно констатировать, что бездетные семьи обладают рядом преимуществ в ходе первичной адаптации ребёнка и усыновителей друг к другу, особенно в сравнении с семьями, имеющими только биологических детей к моменту усыновления.

Несмотря на знания и опыт родителей по вопросам воспитания детей в таких семьях, процесс их первичной адаптации к усыновлению осложняется рядом факторов. Это, очевидно, связано со спецификой и уникальностью опыта воспитания именно усыновлённого ребенка (опыта родительства усыновителей).

Анализ протекания **первичной адаптации в семьях с биологическим ребёнком (детьми)** на момент усыновления выявил наибольшие сложности у данных семей по сравнению с бездетными семьями и семьями с опытом замещающей семейной заботы на момент усыновления. Так, первичная адаптация семьи в целом ($v = 0,215$; $p = 0,016$), личная адаптация отцов ($v = 0,259$; $p = 0,009$) и усыновлённого ребёнка ($v = 0,199$; $p = 0,040$) протекают в рассматриваемых семьях медленнее, чем в остальных. Мать ($t = 2,179$; $p = 0,034$) и другие родственники ($U_{эмп} = 2323,5$; $p = 0,000$) в них сложнее принимают ребёнка, нежели в ранее бездетных семьях. Кроме этого, в таких семьях значимо чаще, чем в других обозначенных типах семей, отмечается первоначальное ухудшение эмоционального состояния родителей ($\varphi_{эмп} = 3,62$; $p < 0,01$), а также увеличение числа конфликтов после усыновления ($\varphi_{эмп} = 1,70$; $p < 0,05$).

Примечательно восприятие родителями из разных типов семей причин конфликтных ситуаций. Если в бездетных на момент усыновления семьях отцы считают, что конфликты возникают на почве столкновения интересов ($\varphi_{эмп} = 2,50$; $p < 0,01$), а матери говорят о проблемах в организации сво-

бодного времени ($\varphi_{эмп} = 1,70$; $p < 0,05$), то в семьях с биологическими детьми родители называют другие причины. В частности, как отцы, так и матери в этих семьях чаще отмечают столкновения на почве непонимания усыновлёнными детьми требований взрослых ($v = 0,204$; $p = 0,025$; $\varphi_{эмп} = 2,50$; $p < 0,01$) и жалуются на поведение детей ($v = 0,214$; $p = 0,017$; $\varphi_{эмп} = 2,32$; $p < 0,01$). Помимо этого, отцы с опытом воспитания биологического ребёнка указывают и на конфликты в связи с плохой школьной успеваемостью усыновлённых детей ($v = 0,203$; $p = 0,026$).

Из позитивных аспектов первичной адаптации в семьях с биологическими детьми можно отметить только то, что отцы в этой группе по сравнению с отцами из семей с опытом замещающей заботы значимо чаще (46 % против 27 %) фиксируют благотворное влияние усыновления на их карьеру и профессиональную самореализацию ($\varphi_{эмп} = 1,661$; $p < 0,05$).

Рассмотрим **вторичную адаптацию к усыновлению в семьях с опытом биологического родительства**, успешность которой требует эмоционально близких, доверительных отношений между членами семьи, готовности открыто обсуждать трудные вопросы усыновления.

В целом, судя по ответам родителей из семей с биологическими детьми, можно констатировать, что внутрисемейные отношения в них складываются хорошо. Большинство родителей отмечают, что у них сложились «очень тёплые и близкие» (70 % матерей и отцов) или «в целом тёплые и близкие» (20 % матерей и 30 % отцов) отношения с усыновлённым ребёнком. Они говорят, что «всегда» (54 % и 47 % матерей и отцов соответственно) или «как правило» (30 % и 42 % матерей и отцов соответственно) понимают усыновлённого ребенка. Однако отцам, имеющим биологических детей, по-видимому, всё же сложнее установить доверительные отношения

с усыновлёнными детьми ($v = 0,197$; $p = 0,014$). В группе семей с опытом воспитания биологического ребёнка 8,3 % отцов обозначили, что с усыновлённым ребёнком у них не были установлены доверительные отношения.

Для более объективного изучения характера детско-родительских отношений исследовалась привязанность усыновлённых детей младшего школьного возраста к матери (с помощью опросника Е. В. Пупыревой). В семьях, воспитывающих биологических детей на момент усыновления, по сравнению с бездетными семьями выявлены более низкие показатели по шкале совместной деятельности усыновлённого ребёнка с матерью ($U_{эмп} = 12,0$; $p = 0,043$). Следует подчеркнуть, что эти сведения получены на основе оценок характера взаимодействия с матерью, данных самими детьми.

Отношения в детской подсистеме складываются в целом благополучно. В большинстве случаев, по оценкам родителей, между биологическими и усыновлёнными детьми наблюдаются тёплые и близкие отношения. Вместе с тем значительная доля матерей (33 %) фиксирует, что биологические и усыновлённые дети «соревнуются за родительское внимание, конкурируют».

Оценивая себя в качестве усыновителя, именно матери, воспитывающие биологического ребёнка, дают себе самые низкие оценки, наиболее критично воспринимают себя в этой социальной роли ($v = 0,507$; $p = 0,000$).

Ещё одним важным параметром, определяющим характер вторичной адаптации к усыновлению, является отношение родителей-усыновителей к предшествующему опыту ребёнка, его биологическим корням, а также готовность к открытому разговору об этом.

Как показало исследование, среди усыновителей, воспитывающих биологического ребёнка, по сравнению с бездетными семьями изначально было больше тех, кто настроен на открытый разговор с ребёнком на тему усыновления ($\varphi_{эмп} = 2,74$; $p < 0,01$). Так, 74 % усыновителей, уже

воспитывающих на момент усыновления биологического ребёнка, планировали не сохранять тайну усыновления (против 47 % в бездетных семьях). В реальности же только 50 % всех семей с биологическими детьми не скрывают от ребёнка факт его усыновления, тогда как бездетные на момент усыновления родители склонны в подавляющем большинстве случаев (79 % женщин и 82 % мужчин) к сохранению тайны.

Примечательно, что, по данным исследования, среди усыновителей с опытом воспитания биологического ребёнка значимо чаще, чем среди усыновителей, имеющих опыт замещающей семейной заботы, встречается негативное отношение к биологическим родителям ребёнка ($\varphi_{эмп} = 1,84$; $p < 0,05$). Так, в первой подгруппе каждый четвёртый родитель высказывает мысль о том, что биологические родители усыновлённого ими ребёнка — «... безответственные, поэтому необходимо законом ограничивать рождаемость в таких группах населения». Также в этой группе усыновителей существенно меньше тех, кто считает, что «ради детей надо сделать всё, чтобы помочь таким родителям» ($\varphi_{эмп} = 1,67$; $p < 0,05$). Помимо этого, усыновители с опытом воспитания биологического ребёнка по сравнению с бездетными существенно реже испытывают благодарность ($\varphi_{эмп} = 1,82$; $p < 0,05$) и чаще презрение ($\varphi_{эмп} = 2,04$; $p < 0,05$) к биологическим родителям усыновлённого ребёнка. Таким образом, в рассматриваемой нами группе семей ярко выраженный негативный характер отношения к биологическим родителям усыновлённого ребёнка проявляется не только на когнитивном, но и на эмоциональном уровне, а именно в распространённом чувстве «презрения» к ним.

Открытость информации об усыновлении в половине опрошенных семей с биологическими детьми заставляет задуматься о том, насколько благоприятно для ребёнка происходит обсуждение этой информации, может ли он выстраивать «двойную» идентичность в оптимальном для своего развития ключе. Ведь если ребёнок знает о том, что усыновлён, он в определённый момент

заинтересуется и тем, кем являются его биологические родители и каковы причины его разрыва с ними. Свою идентичность ребёнок в итоге будет выстраивать в зависимости не только от слов усыновителей, но и от эмоциональной окраски, оценочного контекста этих высказываний.

Очевидны роль психологического сопровождения семей усыновителей, наличие или отсутствие возможности для родителей и детей отработать эмоциональные реакции и когнитивные установки со специалистом. Эта работа начинается уже в период подготовки к усыновлению и продолжается далее на всех этапах адаптации.

Интересно, что, по данным исследования, усыновители, имеющие биологических детей, чаще бездетных наиболее высоко оценивают качество и значение психолого-педагогической подготовки к усыновлению ($F_{ЭМП} = 1,64; p = 0,05$). Видимо, это обусловлено тем, что у родителей с биологическими детьми были основанные

на личном опыте воспитания установки и убеждённость в том, что подобный опыт является для них ресурсом и основанием прогнозировать успешную адаптацию. В процессе подготовки к усыновлению происходят пересмотр, ревизия этих установок, многие «снимают розовые очки», начинают понимать специфику воспитания «несвоеврождённого» ребёнка и трудности, связанные именно с наличием в семье детей на момент усыновления. Результаты углублённой психологической диагностики свидетельствуют, что в группах семей с опытом воспитания детей и тех, у кого не было такого опыта на момент усыновления, значимые различия во взаимодействии между родителями и усыновлённым ребёнком отсутствуют. Следовательно, опыт воспитания биологического ребёнка нельзя считать ресурсом для воспитания усыновлённого, а по ряду параметров этот опыт, напротив, создаёт риски для развития дезадаптационных процессов.

Данные проведённого исследования говорят о том, что усыновители, воспитывающие биологических детей, — группа особого риска с точки зрения социально-психологической адаптации (и в особенности — её первичного этапа). Несоответствие ожидаемых и реальных чувств усыновителей часто становится причиной их внутреннего кризиса, душевного разлада, падения самооценки, разочарования, депрессии. При отсутствии поддержки и квалифицированной помощи это нередко приводит семью к возникновению мыслей об отказе от усыновлённого ребёнка.

Список цитированных источников

1. *Большакова, Л. Н.* Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приёмной семье : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Л. Н. Большакова. — Ярославль, 2004. — 236 с.
2. *Захарова, Ж. А.* Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приёмного ребёнка в замещающей семье : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 19.00.07 / Ж. А. Захарова. — Кострома, 2009. — 24 с.
3. *Лупекина, Е. А.* Идентификация детей с родителями в приёмной семье : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Е. А. Лупекина. — Гомель, 2008. — 137 с.
4. *Ослон, В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья / В. Н. Ослон. — М. : Генезис, 2006. — 366 с.
5. *Палиева, Н. А.* Психологические факторы эффективности замещающих семей / Н. А. Палиева, Г. Н. Соломатина // Вопросы психологии. — 2010. — № 5. — С. 146—153.
6. *Рожкова, Н. Г.* Самооценка жизненных перспектив детей-сирот в разных типах замещающих семей : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Н. Г. Рожкова. — Ярославль, 2012. — 223 с.
7. *Серова, Е. В.* Особенности страхов формирующейся личности в условиях замещающей семьи : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Е. В. Серова. — М., 2012. — 216 с.
8. *Школьник, Т. К.* Индивидуальные особенности психофизиологических проявлений стрессорной реакции у подростков в полных, неполных и замещающих семьях : дис. ... канд. биол. наук : 03.03.01 / Т. К. Школьник. — М., 2011. — 99 с.

9. Япарова, О. Г. Социально-психологические детерминанты успешного приёмного родительства : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О. Г. Япарова.— М., 2009. — 25 с.
10. Исследование особенностей социально-психологической адаптации детей и родителей в семьях усыновителей с учётом типологии семей и разработка модели комплексного сопровождения семей усыновителей : отчёт о НИР (заключ.) / Белгосуниверситет; рук. Ю. Ф. Лахвич. — Минск, 2014. — 281 с. — № ГР 20120801.
11. Brodzinsky, D. M. A Stress and Coping Model of Adoption Adjustment / M. D. Brodzinsky // The Psychology of Adoption / ed. : D. M. Brodzinsky, D. M. Schechter. — NY, 1990. — P. 3—25.
12. Brodzinsky, D. M. The Impact of Family Structure on the Adjustment of Adopted Children / D. M. Brodzinsky, Anne B. Brodzinsky // Child Welfare. — 1992. — Vol. LXXI. — № 1. — P. 69—76.
13. Brodzinsky, D. M. Long-term Outcomes in Adoption / D. M. Brodzinsky // The Future of Children. — 1993. — Vol. 3. — № 1. — P. 153—166.
14. Kirk, H. D. Shared Fate: a Theory and Method of Adoptive Relationships / H. D. Kirk. — Rev. ed. — Port Angeles : Ben-Simon Publ., 1984. — 203 p.
15. Humphrey, M. The Adopted Child as a Fertility Charm / M. Humphrey // Journal of Reproduction and Fertility. — 1969. — Vol. 20. — № 2. — P. 354—356.
16. McWhinnie, A. M. Adopted Children, How They Grow Up: a Study of Their Adjustment as Adults / A. M. McWhinnie. — NY : Humanities Press, 1967. — 302 p.
17. Brodzinsky, D. M. Children's Knowledge of Adoption: Developmental Changes and Implications for Adjustment / D. M. Brodzinsky, D. E. Schechter, A. B. Brodzinsky // Thinking about the Family: Views of Parents and Children / ed. : R. D. Ashmore and D. M. Brodzinsky. — Rev. ed. — NY : Psychology Press, 2014. — 314 p.
18. Kaye, K. Acknowledgment and Rejection of Differences? / K. Kaye // The Psychology of Adoption / ed. : M. D. Brodzinsky, D. M. Schechter. — NY, 1990. — P. 121—144.
19. Hoopes, J. L. Prediction in Child Development: a Longitudinal Study of Adoptive and Nonadoptive Families / J. L. Hoopes. — NY : Child Welfare League of America, 1982. — 104 p.
20. Kraus, J. Family Structure as a Factor in the Adjustment of Adopted Children / J. Kraus // British Journal of Social Work. — 1978. — Vol. 8. — № 3. — P. 327—337.
21. Ternay, M. Perceived Child-Parent Relationships and Child Adjustment in Families with Both Adopted and Natural Children / M. Ternay, B. Wilborn, H. D. Day // Journal of Genetic Psychology. — 1985. — Vol. 146. — № 2. — P. 261—272.
22. Лахвич, Ю. Ф. Психологическая диагностика адаптации детей и родителей к усыновлению : пособие для педагогов-психологов, педагогов социал. социал.-пед. учреждений, специалистов органов охраны детства управлений (отделов) образования, спорта и туризма / Ю. Ф. Лахвич, О. С. Головнёва. — Минск : Нац. ин-т образования, 2015. — 464 с.